

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 16-го Декабря 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11151.

ХАОСЬ.

...Дорогой мой другъ, въ эту минугу моего послѣдняго одиночества я пишу только тебѣ. Я могъ бы еще написать двумъ женщинамъ, которыхъ, кажется, меня любили, но... Зачѣмъ мнѣ ихъ слезы, ихъ временное отчаяніе? Да и что я скажу имъ?

Наша великая скорбь, наши мысли и часто даже наша любовь только скользятъ по поверхности женской души. Имъ нужно все декоративное, а истина, вѣдь, такъ бѣдна и часто безобразна.

Я сижу сейчасъ въ маленькой каюткѣ нѣмецкаго парохода. У меня такъ тихо. Все въ молочномъ свѣтѣ электрической лампочки.

Вотъ на койкѣ лежитъ раскрытый саквояжъ. Въ немъ нѣсколько моихъ любимыхъ книгъ, бумаги, бѣлье, а сверху черный револьверъ съ черной лентой на рукояткѣ; онъ блеститъ матово и тускло.

Тихо и уютно. Только легкая дрожь отъ винта. И, представь себѣ, я совершенно спокойенъ, какъ никогда не былъ спокойенъ въ

жизни. Миже кажется, что именно такъ долженъ чувствовать себя человѣкъ послѣ долгой, сложной, мучительной и законченной работы.

Наша душа, дорогой мой, подвержена безчисленнымъ заболѣваніямъ, какъ и тѣло. Но за тѣломъ мы еще

ней, и тогда появляется какая то странная внутренняя лихорадка.

Да, это похоже, именно, на лихорадку. Сердце бьется попрежнему, но въ его ударахъ какая то новая, напряженная сила. Въ головѣ жаръ, но лобъ холоденъ. Наконецъ, мысли вспыхиваютъ такъ неожиданно, необычайно и ярко, точно маяки на морѣ.

Мы не обращаемъ вниманія на эти грозные признаки.

Мы говоримъ: „это — настроение“. Но проходитъ годъ, часто нѣсколько лѣтъ, а лихорадка продолжается. Она уже въ корнѣ подточила нашу жизнерадостность, измѣнила все теченіе нашей жизни, прежнія мысли и идеи сдѣлали смѣшными, а новыя — грандиозными и болѣзnenными. Тогда мы начинаемъ понимать свою ошибку; понимать, что все это не было настроениемъ, но уже поздно...

Такъ было и со мной, мой другъ.

Ты помнишь, какимъ я былъ въ гимназіи, — беспокойный, оригиналный, насмѣшливый. Такъ говорили вы сами и шутливо называли меня Мефистофелемъ.

Потомъ утихъ и самъ радовался. Это понятно: жизнь любить все ровное, обычное, аккуратное, четырехугольное. И я сдѣлался, какъ всѣ, обычнымъ, опредѣленнымъ, четырехугольнымъ.

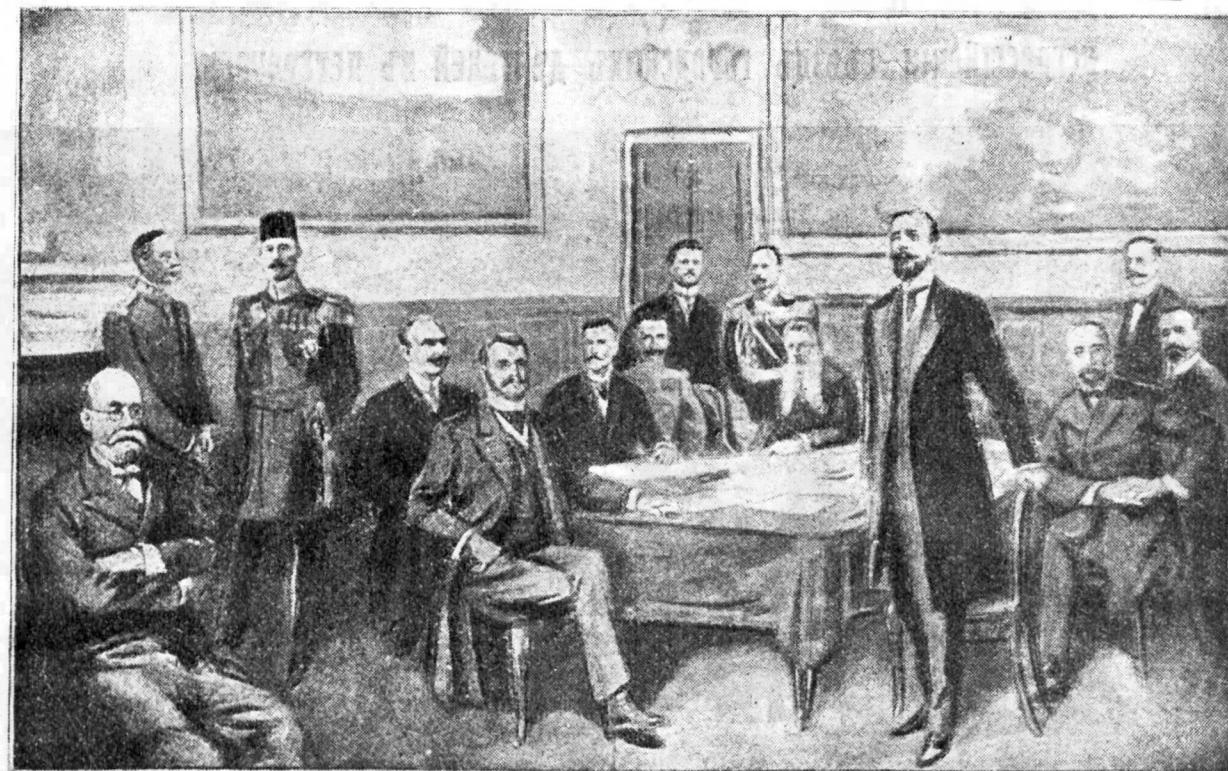
Упорно работалъ, думалъ въ видѣ отдыха, произносилъ ежедневно по

Четыре поколѣнія баварскаго дома принцевъ Виттельбаховъ.

1) На-дняхъ скончавшійся баварскій принцъ-регентъ Луитпольдъ. 2) Сынъ его, принцъ-регентъ Людвигъ. 3) Старшій сынъ Людвига, принцъ Рупрехтъ. 4) Старшій сынъ принца Рупрехта, правнукъ покойнаго Луитпольда, принцъ Луитпольдъ.

Первое засѣданіе мирной конференціи уполномоченныхъ государствъ—участниковъ войны на Балканахъ, въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ въ Лондонѣ.

Слѣдомъ направо: Стоянъ Новаковичъ (Сербія); ген. Данглісъ (Греція); Османъ-Назимъ-паша (Турція); Скулидисъ (Греція); д-ръ Даневъ (Болгарія); Николичъ (Сербія); ген. Бойовичъ (Сербія); Поповичъ (Черногорія); ген. Паприковъ (Болгарія); Маджаровъ (Болгарія); Решидъ-паша (Турція); Венизелосъ (Греція); Міушковичъ (Черногорія).

слѣдимъ, а къ душѣ бываемъ окончательно невнимательны. Въ этомъ отношеніи мы неопытны, грубы, почти преступны.

Однажды, случается такъ, что какой то страшный микробъ попадаетъ въ нашу душу, быстро множится въ

Генераль болгарской армии Ташевъ,

застрѣлившій подъ Лозенградомъ.

Атака отряда ген. Ташева подъ Лозенградомъ была отбита турками. Болгары понесли огромные потери убитыми и ранеными. Разгнѣванный царь Фердинандъ сорвалъ съ несчастнаго ген. Ташева эполеты. Генераль не перенесъ позора и застрѣлился на полѣ битвы.

В. Е. Якушкинъ,
писатель и публицистъ,
членъ 1-й Госуд. Думы.
† 3 декабря с. г.Генераль фонъ-Кробатинъ,
Новый австрійскій военный
министръ.

Въ Австріи произошли знаменательныя перемѣны въ составѣ высшихъ военныхъ сановниковъ. Вместо смѣщенаго Ауфенберга военнымъ министромъ назначенъ фонъ-Кробатинъ. Онъ извѣстенъ, какъ сторонникъ войны, и обладаетъ специальнѣ «боевыми» военными талантами.. Онъ пользуется особымъ расположениемъ воинственнаго наслѣдника престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда.

нѣсколько тысячъ захваченныхъ словъ и спокойно спалъ. Конечно, преуспѣвалъ, и ты, мой другъ, даже нерѣдко завидовалъ моему умѣнью устраивать и ладить съ людьми.

Но однажды, пять лѣтъ тому назадъ, со мной произошло что-то необычайное, хотя почти незамѣтное на первый взглядъ.

ВСЕРОССІЙСКИЙ СЪЕЗДЪ ГОРОДСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(X) Предсѣдатель Императорскаго русскаго техническаго Общества В. И. Ковалевскій. 1) Членъ Гос. Думы В. И. Дзюбинскій,

2) Г. Г. Лерхе, 3) Сенаторъ А. И. Ивановъ, 4) Н. Д. Шубинъ-Позднѣевъ, 5) Н. П. Зеленко.

1-го декабря въ Петербургѣ открылся всероссийский съездъ городскихъ дѣятелей. Наканунѣ всѣ прибывши на съездъ были радушно приглашены на чашку чаю Императорскимъ русскимъ техническимъ Обществомъ, где провели интересный вечеръ, знакомясь съ видными городскими и общественными дѣятелями Петербурга.

Члены 4-й Государственной Думы.

М. И. Скобелевъ,
с.-д. отъ русск. насел. Закавказья.М. И. Пападжановъ,
к.-д. Бакинской губ.М. Ю. Джрафовъ,
мус. фр. Бакинской губ.Г. Х. Енкѣвъ,
мус. фр. Оренбургск. губ.М. Г. Гродзинскій,
прогр. Оренбургск. губ.Е. Ягелло,
с.-д. отъ г. Варшавы.М. К. Кинорскій,
Варшавской губ.С. Г. Мацѣвичъ,
народ. Виленской губ.В. И. Баньковскій,
прав. Виленской губ.В. П. Юзыбукъ,
прогр. Виленской губ.Н. Н. Евреиновъ,
прав. Витебской губ.М. И. Симоновъ,
окт. Воронежской губ.Г. Т. Алферовъ,
прав. Воронежской губ.Т. Д. Поповъ,
прав. Воронежской губ.М. С. Аксельловъ,
окт. Воронежской губ.

жизни, и всюду я видѣлъ только аккуратные четырехугольники, въ которыхъ сидѣли люди, перенумерованные, какъ стулья въ театрахъ.

Я всматривался и нигдѣ не видѣлъ настоящаго смѣха, радости, солнца, любви, веселаго жизненного хмѣя.

Нигдѣ не было молодости, порывовъ; все находилось въ какомъ-то старческомъ, статическомъ состояніи.

Ты долженъ понять это, другъ мой. Готовы идеи, напеченные, какъ пироги, старые пріемы, традиции, авторитеты, кодексы поведенія, религіи, морали, чуть ли не по наслѣдству согнутыя спины,—все это совершенно вытѣснило изъ жизни непосредственную и дѣственную силу мысли, прекрасныя страсти, способность восторгаться или негодовать.

И самая любовь, ободранная, нищенская, уже никого не вдохновля-

ется и прячется по закоулкамъ, какъ что-то стыдное, вмѣсто того, чтобы сіять подобно солнцу.

Потомъ уже мысль объяснила мнѣ мою тоску, но сначала это было только чувствомъ удушья.

Въ мою душу ворвался хаосъ. Я заплакалъ надъ своими обычными, тусклыми днями; я ужаснулся, что изъ такихъ дней будешь сплетена и вся моя жизнь.

У меня явилось страстное желаніе обрушить веселый хаосъ на всѣ эти

строго размѣренные четырехугольники жизни, на этихъ убийцъ жизни, разворотить ихъ, уничтожить, зажечь радость и восторгъ, и ликоватъ, любить, смыться вмѣстѣ съ освобожденными.

Я впервые понялъ, что моя душа пламенна и беспокойна, что она больше не примирится съ жизнью, не затихнетъ, не покорится.

Я понялъ, что родился слишкомъ поздно, что я

кажду тѣхъ оригинальныхъ коллизій, тѣхъ сказокъ, мятежныхъ увлечений и бурной красивой дѣятельности, которыя уже невозможны, нетерпимы въ современной, размѣренной жизни.

Я бросилъ всѣ свои дѣла и отправился въ долгія и утомительные путешествія. Но они не успокоили. Я только лишь разъ уѣхалъ въ тѣмъ, что сказокъ больше нѣть, что молодость убита даже въ чистыхъ душахъ, что поэзія земли растоптана, и всѣхъ

давить за глотку какая-то единая дьяволова рука.

Потому вездѣ стонъ, а не пѣсня. Я нигдѣ не могъ успокоиться, я нигдѣ не находилъ моего первобытнаго чистаго хаоса.

Съ этого момента болѣзнь окончательно овладѣла мной. Я до судороги возненавидѣлъ землю, исковерканную, изломанную и оплеванную; возненавидѣлъ, потому что влюбленъ въ ея по-длинный образъ. Она походитъ на богиню, распластанную и оскверненную цѣльмъ отрядомъ хамовъ.

Я вернулся домой, ликвидировалъ свои дѣла и отправился въ Испанию.

Здѣсь, въ Мадридѣ, въ музѣѣ на Прадо, я въ послѣдній разъ поклонился картинамъ великаго Гойи. О, какъ сумѣлъ онъ въ нихъ выразить свое презрѣніе къ человѣку!

Оттуда проѣхалъ къ Атлантическому океану, и вотъ теперь я на пароходѣ, идущемъ изъ Лиссабона въ Бразилію.

Мы въ морѣ вторыя сутки. Налѣво Африка, направо Америка. Мы находимся немного ниже Канарскихъ острововъ.

Это будетъ моя могила, дальше я уже не поѣду.

Я давно обдумалъ этотъ шагъ. Я кончаю мою жизньъ среди океана, но не для эффекта, дорогой мой. Я хочу лежать на его днѣ.

Здѣсь никто не осквернитъ моего мозга, и надѣ нимъ будетъ вѣчное таинственное движеніе, будетъ океанъ со своимъ титаническимъ, гордымъ, непобѣдимымъ мятеjomъ.

На кормѣ, за грудами канатовъ, есть тихое одинокое мѣсто.

Слѣва красный фонарь, который тянется по водѣ узкую кровавую ленту.

Рѣшетка борта низкая, и ее легко перешагнуть. Здѣсь я въ послѣдній разъ посмотрю на небо. Выстрѣль—и мое тѣло будетъ склонено въ водахъ.

Прощай, мой дорогой.

Помнишь, какъ мы разъ въ гимназіи во время перемѣны осѣдлали двухъ товарищѣй и сражались съ тобой, размахивая мѣловыми полотенцами?

Турнirъ. Рыцари. Оба мы покрылись мѣломъ и, вѣроятно, походили немножко на клоуновъ... Впрочемъ, мы былиувѣрены въ своемъ рыцарскомъ происхожденіи...

Ну, я поднимусь на палубу. Часъ. Прощай.

Ал. Станкевичъ.

Профессоръ И. П. Осиповъ,

избранный 11-го декабря предсѣдателемъ со-вѣта профессоровъ харьковскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Общества трудящихся женщинъ.

Фот. А. М. Иванющаго.

СМѢСЬ.

Сенъ-Джемскій дворецъ.

Переговоры о мирѣ между Турцией и балканскими государствами происходятъ въ лондонскомъ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ. Болѣе спокойнаго и уединеннаго мѣста, кажется, не сыщешь во всемъ Лондонѣ. Дворецъ находится въ самой аристократической части города по сосѣдству съ дворцами древнихъ фамилий. Дворецъ не особенно бросается въ глаза, такъ какъ его окружаютъ другія постройки, а кромѣ того его фасадъ вообще не блещетъ особенной художественностью и ничѣмъ выдающимся не отличается. Тѣмъ не менѣе, это зданіе очень почтенное, съ которымъ связана многими нитями исторія Англіи.

Уже въ древности, въ концѣ XII столѣтія, разсказываютъ „Бирж. Вѣд.“, здѣсь стоялъ госпиталь, посвященный апостолу Іакову. Въ 1532 году это зданіе вмѣстѣ со многими другими перешло въ собственность короля Генриха VIII. Король рѣшилъ построить здѣсь дворецъ, и планъ для него былъ набросанъ самимъ Гольбейномъ. Онъ былъ выдержанъ въ стилѣ Тюдоровъ и построенъ изъ кирпича. Но отъ прежнаго фасада теперь осталось очень немногое. Наиболѣе интереснымъ является древній прѣмный залъ, гдѣ буквы „Н. и А“, высѣченныя надъ каминомъ, напоминаютъ о Ген-

рихѣ VIII и о несчастной Аннѣ-Болейнѣ, погибшей на эшафотѣ. Вплоть до эпохи королевы Викторіи Сенъ-Джемскій дворецъ былъ постоянной резиденціей англійскихъ королей, и многочисленныя воспоминанія англійской исторіи, воспоминанія историческо-го и пикантнаго характера, связанны съ этимъ зданіемъ, а англійской дипломатической міръ до сихъ поръ называется Сенъ-Джемскимъ дворцомъ.

Въ 1558 году здѣсь умерла瑪рия Тюдоръ, унесшая съ собою надежды англичанъ-католиковъ. Много другихъ принцевъ и королей англійского королевскаго дома окончили въ этомъ дворцѣ свои дни, или же, наоборотъ, впервые увидѣли въ немъ свѣтъ.

Изъ Сенъ-Джемскаго же дворца 30-го января 1649 года, въ холодный зимній день повезли на казнь въ Уайтголь Карла I. Нѣсколько позже Сенъ-Джемскій дворецъ былъ центромъ, где сходились всѣ нити интригъ королевы Анны, стремившейся низвергнуть герцога Мальборо и его супругу, фаворитку короля. Послѣ нея здѣсь жили ганноверскіе Георги. Вмѣстѣ съ ними въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ проживали ихъ многочисленныя фаворитки и, между прочимъ, мистрессъ Голландъ, возлюбленная Георга II, воспѣтая поэтомъ Попомъ.

Въ 1809 году пожаромъ былъ разрушенъ восточный флигель дворца, а въ эпоху правленія королевы Викторіи Сенъ-Джемскій дворецъ попалъ въ немилость, и резиденція королевы была перенесена въ Букингемскій дворецъ. Тѣмъ не менѣе, и тогда въ Сенъ-Джемскомъ дворѣ иногда устраивались дворцовые прѣемы, а въ капеллѣ дворца происходило вѣнчаніе какъ самой Викторіи, такъ и короля Эдуарда VII.

Во дворцѣ имѣется цѣлый рядъ роскошно обставленныхъ апартаментовъ, а также огромное количество небольшихъ комнатъ, которая, пожалуй, еще удобнѣе для конференціи, чѣмъ пышные залы. Передъ воротами средняго фасада стоитъ каруаль гвардейцевъ, смѣна которого ежедневно привлекаетъ любопытство иностранцевъ и праздныхъ зрителей. Въ это время передъ дворцомъ всегда стоитъ кучка народа, но, какъ только кончается церемонія, мѣстность снова пустѣеть, и Сенъ-Джемскій дворецъ погружается въ меланхолическая воспоминанія о давно минувшихъ временахъ, о тайныхъ заговорахъ, о любовныхъ интригахъ и блестящихъ прѣемахъ...

